

филологом текст истории и культуры: *Люблю обычные слова, / Как неизведанные страны./ Они понятны лишь сперва,/ Потом значенья их туманны. /Их протирают как стекло,/ И в этом наше ремесло* (Давид Самойлов).

Список литературы

1. Аванесов Р.И. Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание: Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963.

2. Брызгунова Е.А. Диалект и наддиалектная форма русского языка // Лингвистическая полифония: сб. ст. в честь юб. проф. П.К. Потапова / отв. ред В.А. Виноградов. М., 2007.

3. Брыкина Е.В., Супрун В.И., Кудряшова Р.И. Донское слово: школьный словарь казачьих говоров Волгоградской области. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015.

4. Вендина Т.И. Русские диалекты в общеславянском контексте // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Междунар. конгресс исследователей рус. языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филол. фак., 20–23 марта 2010 г.): труды и материалы / сост. М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. М.: Изд-во Моск. ун-та.

5. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / под ред. Б.А.Серебренникова. М.: Наука, 1988.

6. URL : <http://cheloveknauka.com/opyt-kompleksnogo-issledovaniya-tekstov-sovremennoy-kelnskoj-dialektnoy-pesni>.

* * *

1. Avanesov R.I. Opisatel'naja dialektologija i istorija jazyka // Slavjanskoe jazykoznanie: Doklady sovetskoj delegacii. V Mezhdunarodnyj s#ezd slavistov. M., 1963.

2. Bryzgunova E.A. Dialekt i naddialektnaja forma russkogo jazyka // Lingvisticheskaja polifonija: sb. st. v chest' jub. prof. P.K. Potapova /otv. red V.A. Vinogradov. M., 2007.

3. Brykina E.V., Suprun V.I., Kudrjashova R.I. Donskoe slovo: shkol'nyj slovar' kazach'ih govorov Volgogradskoj oblasti. Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2015.

4. Vendina T.I. Russkie dialekty v obshheslavjanskom kontekste // Russkij jazyk: istoricheskiye sud'by i sovremennost': IV Mezhdunar. kongress issledovatelej rus. jazyka (Moskva, MGU im. M.V. Lomonosova, filol. fak., 20–23 marta 2010 g.): trudy i materialy / sost. M.L. Remneva, A.A. Polikarpov. M.: Izd-vo Mosk. un-ta.

5. Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: Jazyk i kartina mira/ pod red. B.A.Serebrennikova. M.: Nauka, 1988.

World picture in folklore

The article deals with the nominative features of verbalization of the world picture in the Don dialect. It touches upon the basic thematic zones of nomination, the aspect of motivation of the direct (inner form) and figurative (figurative comparison) notions, correlation of the dialect and the literary language (transition of dialectisms into the colloquial style of the literary language).

Key words: world picture, nomination, inner form, figurative comparison.

(Статья поступила в редакцию 19.10.2016)

Ю.Ю. СОМОВА
(Волгоград)

ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТНОЙ МЕТАФОРЫ

Рассматриваются основные сложности в изучении диалектной метафоры. К основным факторам, препятствующим исследованию метафоры в говоре, относятся повышенная экспрессивность, большое число окказиональных образований, вариативность словарного состава, а также невозможность последовательного и детального семантического анализа большей части диалектной лексики в составе определенных лексико-семантических групп.

Ключевые слова: диалект, метафора, внутренняя форма, мотивированность.

Изучение диалектной метафоры – несомненно, интереснейшая тема, но существует ряд сложностей в ее исследовании. В первую очередь это устная форма бытования, являющаяся для диалекта единственной и определяющая его типологические особенности: повышенную экспрессивность, отсутствие внешне-нормирующих факторов, большое количество окказиональных образований, зависимость от возраста носителей говора, повышенную проницаемость всех уровней диалектной системы, в первую очередь лексико-семантического.

Еще одна особенность диалектной лексики – вариативность словарного состава, кото-

рая является результатом действия фонетических процессов, происходящих в разных говорах по-разному. Также в говорах отмечаются единичные, закрепленные за отдельными лексемами фономорфологические явления. Фонетические процессы в говорах идут параллельно процессам десемантизации, стиранию мотивировок не только по причине ухода, устаревания понятия, но и, главным образом, по причине перехода слова из одного говора в другой, отрыва его от своего словообразовательного гнезда. Зачастую меняется не только облик слова, но и его переносное значение. Нередко в новой языковой среде уже существует более употребительный синоним этого слова в прямом значении, поэтому в данном говоре слово укореняется лишь в переносном значении: таковым, например, является слово *цимбал*, имеющее в казачьих говорах Волгоградской области только переносное значение 'тот, кто много говорит, пустослов', тогда как первоначальное значение слова «цимбалы» 'струнный ударный музыкальный инструмент'.

Существует еще одна причина многочисленных изменений в словарном составе говоров в настоящее время. Постепенное стирание территориальных границ говоров, смешение их словарного состава, повсеместное распространение в качестве основного общенормативного разговорного языка и утрата говорами собственно диалектных черт приводят к перерождению диалектов в региональное просторечие. «Говоря о диалектной речи, мы имеем в виду не архаическую или чисто диалектную речь, которая в говорах встречается очень редко, а полудиалект, который ... используется как средство повседневного общения старшей и средней возрастной групп сельских жителей» [4, с. 18].

Вышеперечисленные языковые процессы делают изучение диалектной метафоры довольно трудным, но весьма интересным. Даже если диалектное метафорическое значение входит в ряд значений полисемантического слова в пределах одного говора, то не всегда можно поручиться за то, что оно образовалось от одного из отмеченных прямых значений. Вероятно, метафора ведет свое происхождение от незафиксированного по тем или иным причинам значения или заимствована из другого говора. Это затрудняет современные исследования диалектной метафоры, в которых часто рассматривается лексика говоров одного или нескольких сопредельных территорий в отрыве от других диалектных данных. Невозмож-

ность последовательного и детального семантического анализа большей части диалектной лексики в составе определенных лексико-семантических групп обуславливает выпадение ее из массива слов, подвергающихся рассмотрению.

Вопросы образности диалектных единиц в народных говорах в научной литературе рассматриваются с двух точек зрения. С одной стороны, изучаются проблемы внутренней формы и мотивированности лексем (работы О.В. Блиновой, И.А. Оссоветского, Е.В. Кузнецовой), с другой – в связи с проблемами экспрессивности диалектного слова (работы Т.С. Коготковой, Н.А. Лукьяновой). Однако анализируется лишь тот вид образности, который связан с эмоциональностью и выразительностью речи.

Образность, которая является характерной особенностью русских народных говоров, обусловлена ассоциативным мышлением народа, умением находить различные связи между предметами и явлениями в результате наблюдений, исходя из жизненного опыта. На основе этих ассоциаций и возникают образы – наглядные представления о каком-либо предмете или явлении, находящих отражение в лексемах и устойчивых словосочетаниях. В образных названиях часто выражена характеристика по особо бросающимся в глаза признакам. Предметы и явления могут быть названы существующими в говоре лексемами в результате переноса названия с одного предмета или явления на другой при наличии сходства их признаков или функций.

Исследование метафорических значений на материале народных говоров, несмотря на все сложности, встречающиеся при его собирании и определении значений слов, дает исследователям неоценимый массив данных. В диалектной лексике, как и в общенародной, отражена «складывающаяся веками наивная картина мира, в которую входит наивная геометрия, наивная физика, наивная психология и т.д., которая отражает материальный и духовный опыт народа-носителя языка» [1, с. 57].

В состав метафорической лексики диалектов входят слова, имеющие более широкий, по сравнению с литературным языком, спектр переносных значений: семантические диалектизмы, наименования, которые вышли из языкового обихода, но встречающиеся в речи представителей старшего поколения, окказиональные метафоры, а также метафоры, имеющие синонимы в литературном языке как в прямом, так и в переносном значении, но отличающи-

еся набором морфем – словообразовательные диалектизмы.

Благодаря своей широкой вариативности, наличию большого количества дериватов и синонимов диалектная метафора дает возможность выявлять более тонкие смысловые оттенки, сходство и различия метафорических значений слов, их перекрещивающиеся связи, а также взаимообусловленность метонимических и метафорических переносов. Так, исследователь Т.В. Бахвалова отмечает, что «вторичное характеризующее значение может являться последней ступенью, “заключительным аккордом” в развитии семантической структуры слова применительно к современному этапу развития местных говоров, но может быть и “отправной точкой”, базой для ее дальнейшего развития» [2, с. 32]. Приведем в качестве примера метафору *баланда*, которая характеризует человека как болтуна, пустослова. Это слово в донских казачьих говорах образует большое количество вариантов, таких как *баландрас*, *баландрос*, *балиндрыс*, *балиндрас*, являясь также основой слов *баландрасить*, *балиндычать*, *балиндрасить*. На основе изучения подобных словообразовательных дериватов Н.А. Лукьянова делает вывод, что они «могут подтвердить существование тенденций в словообразовательных процессах, связанных с метафоризацией значений, например направленной транспозицией образных слов» [4, с. 69]. Несмотря на то, что отдельные слова могут выпадать по значению из общего словообразовательного ряда, диалектные метафоры обладают общностью семантики, определяемой общим абстрактным значением модели. Поэтому каждое новое метафорическое значение оказывается созвучным с другими значениями отдельных звеньев семантической цепи. Представляется, что каждое диалектное слово обладает определенным семантическим содержанием, которое каждый раз реализуется в каком-либо одном своем аспекте, остальные же аспекты его значения сохраняются потенциально. При этом все семантические аспекты диалектного слова представляют собой части единого целого, определяемого не только лексической системой данного говора, но и всей диалектной системой в целом [3, с. 40].

В своих работах, говоря о наиболее характерных особенностях диалектной метафоры, Н.А. Лукьянова отмечает «наличие регулярных семантических моделей образования экспрессивной лексики – типов переноса при метафоризации» [4, с. 62]. Так, большое количество метафор, отмеченных в донских казачьих

говорах, образованы по аналогии с общерусскими метафорами. Например, названия нечистой силы очень часто применяют для негативной характеристики человека: *аггел* ‘негативная характеристика человека’ [СДГВО, вып. 1, с. 45]; *анчибил* – ‘озорник, шалун, проказник’ [Там же, с. 56]; *анчихрист* – ‘озорник, шалун, проказник’ [Там же, с. 57], *анчутка* – ‘о человеке, вызывающем осуждение окружающих своими поступками’ [Там же, с. 57–58]. Носитель диалектной речи при создании метафоры опирается на опыт предшествующих поколений, на установленную ранее связь представлений. Индивидуальные метафоры, заключающие в себе новый творческий акт, могут находиться с языковыми метафорами в более или менее прочной связи. Носитель диалекта, оперируя образными сущностями, вносит элемент субъективности в метафоризацию, которая строится на основе ассоциации с прямым значением с помощью добавления коннотативного элемента. Языковая метафора, приобретая расширительное значение, возвращается в систему диалекта, обогащая ее.

Пройдя большой путь развития, метафорическая лексика дает возможность проследить способы ее реализации в разных лексических микросистемах. Развертывание словообразовательных рядов от многих широко известных в метафорическом значении слов в каждой частной лексической системе идет неодинаковыми путями и по разным частям речи. Причем словообразовательные модели в говорах нередко обладают большей порождающей силой, чем аналогичная модель в литературном языке. Т.В. Бахвалова утверждает, что «наполняемость каждой такой модели в говорах намного выше по сравнению с общенародным языком. Как правило, каждое слово общенародного языка, входящее в тот или иной синонимический ряд, как бы ведет за собой целую вереницу диалектных слов, подобных ему в плане словообразования, имеющих тождественную семантическую структуру» [2, с. 33]. Широкую вариативность диалектной лексики И.А. Оссовецкий объясняет не только тем, что в говорах отсутствует нормированная письменная кодификация, но и тем, что «коммуникативная функция разговорной речи требует того, чтобы в говорах легко образовывались новые слова, удовлетворяющие потребности данной конкретной речевой ситуации» [5, с. 67]. Это, по мнению Оссовецкого, способствует реализации в практике носителей даже какого-либо одного говора более широкого круга разнообразных потенциальных воз-

возможностей системы языка. Ценность диалектных данных для изучения метафорического способа словообразования заключается в том, что они «заполняют пустые “клетки” нереализованных возможностей русского языка. Эти “клетки” заполняются конкретным материалом, будь то регулярные в говорах, но неизвестные литературному языку метафоры» [3, с. 42]: *колгота* (суета, хлопоты, заботы, беспокойство) – непоседливый, беспокойный человек; *бугай* (бык-производитель) – большой, сильный мужчина; или индивидуальные, единичные метафоры: *луноход* – о сельскохозяйственном агрегате.

Многие исследователи обращаются к диалектному материалу как к источнику архаических данных. Диалектные слова, сохраняющие архаичную форму и архаичное значение, позволяют заполнить «пустоты» в словообразовательных парадигмах и семантических цепочках, восстанавливают иерархию значений, тогда как в литературном языке чаще представлены отрывки семантических цепочек, потерявшие свою мотивировку. Потребность в изучении диалектной метафоры связана с возможностью выявления внутренней формы у слов с определенным эмоционально-оценочным элементом значения (*бранное, пренебрежительное* и др.), но с затемненной конкретной семантикой. Отдельные слова литературного языка являются словообразовательными вариантами диалектных метафор. Будучи перенесенными в литературный язык, они теряют свою образную основу и, следовательно, перестают восприниматься как метафоры (*охломон, остолоп*). Выявить утерянные мотивировочные связи, прояснить этимологию многих эмоционально-оценочных слов или проследить семантическую эволюцию дериватов какого-либо диалектного слова можно благодаря сопоставлению его с семантическими и словообразовательными кореллятами из других диалектных микросистем (*охряпье, хламица; столб, остолоб*).

Существование в разных, территориально удаленных друг от друга говорах словообразовательных или лексико-семантических вариантов одной и той же метафоры доказывает продуктивность данного метафорического переноса, это также подтверждают и данные литературных словарей.

Таким образом, можно прийти к выводу, что образность является показателем высокого уровня развития носителя диалекта. Изучение диалектной метафоры имеет важное значение при выявлении особенностей мировос-

приятия того или иного диалекта, того или иного народа. Метафора является показателем региональных особенностей языковой картины мира, а также особенностей, типичных для всей русской нации. Демонстрируя специфику мировоззрения русского человека, метафора входит в состав традиционных способов выражения эмоций и оценок, основанных на наиболее значимых культурных и моральных ценностях. Являясь отражением диалектной картины мира, метафора содержит в себе информацию об идеалах носителя диалекта и принципах уклада народной жизни, помогает раскрыть особенности мышления диалектоносителя. Диалектная речь позволяет увидеть тенденции развития тех или иных метафорических значений и закономерности выбора лексем для экспликации этих значений. Можно сказать, что литературная метафора – это вершина «айсберга», а в нижней его части находится скрытый пока для исследователей пласт диалектной лексики, составляющей языковой фон, на котором и возникают яркие и образные метафоры.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М.: Наука, 1974.
2. Бахвалова Т.В. Лексические и фразеологические средства характеристики человека в русском языке (на материале орловских говоров): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 1995.
3. Колосько Е.В. Метафорическая лексика в русских народных говорах (на материале субстантивной антропоцентрической метафоры): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.
4. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск: Наука, 1986.
5. Осовецкий И. А. Лексика современных русских народных говоров. М.: Наука, 1982.
6. Словарь донских казачьих говоров Волгоградской области / авт.-сост. Е. В. Брыкина, Р. И. Кудряшова, В. И. Супрун. Волгоград, 2006–2009. Вып. 1–6.

* * *

1. Apresjan Ju.D. Leksicheska ja semantika. M.: Nauka, 1974.
2. Bahvalova T.V. Leksicheskie i frazeologicheskie sredstva harakteristiki cheloveka v russkom jazyke (na materiale orlovskih govorov): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Orel, 1995.
3. Kolos'ko E.V. Metaforicheska ja leksika v russkih narodnyh govorah (na materiale substantivnoj antropocentricheskoj metafory): dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2002.

4. Luk'janova H.A. Jekspressivnaja leksika razgovornogo upotreblenija. Novosibirsk: Nauka, 1986.

5. Ossoveckij I. A. Leksika sovremennyh russkikh narodnyh govorov. M.: Nauka, 1982.

6. Slovar' donskih kazach'ih govorov Volgogradskoj oblasti / avt.-sost. E. V. Brysina, R. I. Kudrjashova, V. I. Suprun. Volgograd, 2006–2009. Вып. 1–6.

Features of a dialect metaphor

The article deals with the basic difficulties in study of dialect metaphors. The factors that prevent researching dialect metaphors are high expressiveness, a great number of occasional words, the variety of vocabulary, as well as the impossibility of consistent and detailed semantic analysis of most of the dialect vocabulary as a part of some lexical and semantic groups.

Key words: *dialect, metaphor, inner form, motivation.*

(Статья поступила в редакцию 19.10.2016)

В.П. ШУЛЬГАЧ
(Киев)

К ГЕНЕЗИСУ РУССК. КУРБЕТЫ

Анализируется слово «курбеты», корень которого используется в славянских антропонимах. Автор семантизирует лексему как *'неприятные, непредвиденные неожиданности (случаи); подвохи; каверзы и под.' и считает, что она отражает более общее значение и.-е *'(s)ker- 'гнуть, кривить; крутить; вертеть'.

Ключевые слова: *этимология, антропонимия, ойконим, микропоним, мобильное *s.*

1. В тексте воспоминаний Алексея Ионова о Константине Георгиевиче Паустовском находим слово *курбеты*, не зафиксированное, судя по доступным мне источникам, ни в русском литературном языке, ни в его диалектах: «Но жизнь выделяет порою такие курбеты, что нам остается лишь следовать их велениям» [8, с. 75].

Однако о его потенциальности в русском и других славянских языках свидетельствует антропонимия. Ср., напр., рус. *Курбет* [ЛЖС,

2006, с. 116], *курбетка* – прозвище [СРНГ 16, с. 113], укр. *Курбет* – современная фамилия, болг. *Курбетов* [7, с. 285] – формы с реализацией бинарной группы «редуцированный + + плавный» -ѣr- > -ур-.

Исходное **Кърбетъ* реализовано и в др.-рус. *Кербеть* (вариант *Ербетъ*), 1242-й, 1245 гг. – новгородский воевода [16, с. 177], укр. *Хербет* [11, с. 122] < **Кербет*, в которых стадияльное -ер- < -эр- также восходит к -ѣr. Подробно о *пятифонемной* вокализации ѣ в корневых структурах типа *ѣrt* см.: [9, с. 15–29].

К этому списку следует добавить формы с мобильным S- наподобие хорв. *Skrbeta* [LPH, с. 596], слвн. *Skrbeta*, *Škrbeta* [LP] – из **Skъrbeta*.

2.1. О потенциальности анализируемой лексемы свидетельствуют также генетически родственные иносуффиксальные варианты, а именно:

**кърбатъ(ѣ)*, **skъrbatъ(ѣ)* > **Кърбатъ(ѣ)*, **Skъrbatъ(ѣ)*: рус. диал. *курбатый* ‘малорослый и толстый’, ‘неровный; непропорциональный’ [СРНГ 16, с. 113], (отыменное производное) *курбатать* ‘заворачивать, закутывать кого-н. во что-н.’ [СРГК 3, с. 62], блр. диал. *кърбатый* ‘искривленный, согнутый’: *кърбатыя доски* [17, с. 269], серб. диал. *крб’ат* ‘пень’ [13, с. 193], чешск. диал. *krbatý* ‘надбитый кувшин’ [19, с. 162] и др. См.: [ЭССЯ 13, с. 206–207].

Ср. также проприальную лексику отопеллятивного происхождения: ст.-рус. *Курбатъ*, 1498 г. – антропоним [16, с. 219], Русинь *Курбатовъ*, XVI ст. [ПКМГ I/2, с. 961], рус. *Кербатов* [ПКК, с. 32], *Корбатов* [КП Твер.], *Курбатов* [10, с. 453], *Хурбатов* [ЛЖС, 2006, № 1–13, с. 201] < **Курбатов* (спирантизация, K- > X-), *Шкарбатов* [КПУ Дон 16, 432], *Шкорбатов* [ЖПТ], ст.-укр. *Kurbathka*, 1615 г. [ОВ, с. 168], укр. *Корбат*, *Курбат* – фамилии, блр. *Курбат*, *Хурбатов* [3, с. 232, 435], макед. *Карбатов* [Речник I, с. 594], хорв. *Kurbat* [LPH, с. 349], слвн. *Krbat* [ZSSP, с. 301], пол. *Charbat*, *Karbat*, *Korbat*, *Kurbat* [SN II, с. 55; IV, с. 494; V, с. 145, 432], *Skarbat* [SN VIII, с. 441], слвц. *Kurbatová* ж. [TZB, с. 197] – фамилии, а также *Кербатово Большое*, *Кербатово Малое*, *Курбатов*, *Курбатова* (12 фиксаций), *Курбатово* (15), *Курбаты* (2) – ойконимы в различных регионах России [RGN IV: 135, 693], *Кебаты* – название поселения в Пермской обл., из **Кербаты* (метатеза), *Скурбатова* – ойконим в бывшей Пермской губ. [Списки Перм.,